

Звезды
НОВОЙ
ФАНТЕЗИ

ГЕРОИ УМИРАЮТ
КЛИНОК ТИШАЛЛА

МЭТЬЮ СТОВЕР

КЛИНОК
ТИЩАЛЛА

АЗБУКА

Санкт-Петербург

*Эта книга посвящается памяти лучших друзей,
о каких может только мечтать человек.
Я могу горевать лишь о том, что вы ее не прочтете...
Эвангелине, Алистеру и Фридриху Леву, Джону, Клайву
и Теренсу Роджеру, и Фрицу, и обоим Бобам
(Роберту А. и Роберту Э.).
Даже сейчас — не все еще оглохли.*

Но мы убаюкали себя мыслью, будто внезапные перемены суть нечто такое, что случается вне обычного порядка вещей: случайность, авария. Или неподвластное нашему контролю, как смертельная болезнь. Мы не воспринимаем непредвиденные, иррациональные перемены как неотъемлемую часть миропорядка. А стоило бы. Теория хаоса учит нас... что линейности, которую мы приняли как данность во всем, от физики до литературы, попросту не существует...

Жизнь есть серия событий, каждое из которых может изменить все последующие полностью непредсказуемым, катастрофическим образом...

Вот истина во чреве миропорядка. Но мы по неведомой причине ведем себя так, будто дела обстоят совсем иначе.

*Слова Яна Малкольма
(Майкл Крайтон «Парк Юрского периода»)*

Делай что пожелаешь — вот весь Закон.

Алистер Кроули. Книга Закона

ГЛАВА НУЛЕВАЯ

*Есть сказание о близнецах, рожденных от разных матерей.
Один по натуре своей мрак, другой — свет. Один богат, второй нищ. Один жесток, второй мягок. Один вечно моложав, другой постарел до срока.*

Один из них смертен.

Они не родня по крови или духу. И все же — близнецы.

Оба живут, не зная, что они — братья.

Оба гибнут в бою со Слепым Богом.

1

Объяснить, почему меня вы больше не увидите, я могу только одним способом — рассказав о Хари.

Вот каким видится мне разговор, вовлекший меня в жизнь Хари Майклсона. Меня при том не было — детали мне неизвестны, — но образы в памяти яркие, будто пощечина. Хорошему тауматургу потребно могучее и цепкое на детали воображение. А я лучший выпускник Консерватории.

Вот как мне это видится.

— Все записано в телеметрии, — говорит Администратор Уилсон Чандра, директор студийной Консерватории. Вытирает потные ладони о полу хламиды и жмурится в едком облаке сигарного дыма. Потом облизывает губы — они у него пухлые и вечно сохнут, — окидывая взглядом шеренги магов-подмастерьев, усердно медитирующих внизу.

Меня в классе, к слову сказать, нет — здесь только новички.

— У него отличные успехи в академических дисциплинах, понимаете, — продолжает Чандра. — Он неплохо владеет западным

наречием и прекрасно осваивает манеры и нравы Первого континента, но, как видите, он едва может поддерживать альфа-сознание, не говоря о том, чтобы перейти к бета-сознанию, необходимому для успешного волхвования, а мы работаем всего лишь на втором уровне отвлечения — примерно как, скажем, в отдельной комнате столичной гостиницы, и при таких обстоятельствах я просто не верю...

— Заткнись, а? — перебивает его человек за пультом. — Господи, как ты меня утомил!

— Я, э-э-э... — Администратор Чандра приглаживает редеющие волосики, мокрые от пота, хотя кондиционер включен. — Да, Бизнесмен.

Бизнесмен Марк Вайло, Патрон упомянутого студента, перекатывает из одного угла рта в другой толстенную вонючую сигару и наклоняется вперед, чтобы лучше видеть через стеклянную панель.

Бизнесмен Вайло — низенький, тощий, кривоногий человечек с манерами биндюжника и нервной энергией бойцового петуха. Я не раз видел его в сетевках: старомодный комбинезон с пелеринкой, непритязательная такая фигура — пока не вспомнишь, что родился он в семье торговцев. Перенял семейное дело — извозная контора из трех грузовичков — и построил на его основе концерт «Вайло интерконтинентал». Когда ему еще не стукнуло пятидесяти, он выкупил семейный контракт у своего Патрона-Бизнесмена, за взятки перевелся в касту Бизнесменов и ныне считается одним из богатейших — не считая семейств праздножителей — людей Западного полушария. В сетевках его обычно называют «миллиардером-счастливчиком».

Вот почему беседует с ним лично Администратор Чандра. Обычно у него есть дела поважнее, чем развлекать заглянувших в гости Патронов, но протеже Вайло — первый, кого тот отправил в училище, — вот-вот будет отчислен за неуспеваемость, так что Администратор хочет загладить невольную обиду и даже, если повезет, остаться в добрых отношениях с богачом — в надежде, что Вайло когда-нибудь захочет спонсировать других студентов. В конце концов, учение — тоже бизнес. Спонсировать Актера бывает исключительно выгодно, если тот добивается славы, спросите хоть моего отца. Администратор хочет объяснить Вайло, что одно неудачное вложение еще не провал и другие вполне могут увенчаться успехом.

— А также... кхм, мы имеем, э-э-э... целый ряд нарушений дисциплины...

— Я тебя просил заткнуться.

Вайло продолжает приглядываться к своему протеже — художавому юнцу, по имени Хари Майклсон, девятнадцати лет от роду, Рабочему из Сан-Франциско.

Юноша стоит на коленях на истертом пластиковом коврикe величиной метр на метр. Пальцы его сплетены в технике трех пальцев, глаза закрыты — только у него из тридцати студентов. Остальное рассказывают датчики на висках, откуда поток данных течет в центральный компьютер Консерватории: невзирая на медленное, три цикла в минуту, дыхание, пульс зашкаливает за восемьдесят, уровень адреналина в крови превышает оптимум на семьдесят восемь процентов. Пики на ЭЭГ — как битое стекло.

Вайло вытягивает изо рта окурок:

— Какого черта ты вообще загнал его на курс к чародеям?

— Бизнесмен, мы уже обсуждали это при его поступлении. У него почти абсолютная память, результаты теста на объемную визуализацию близки к уровню гения. Нельзя поспорить, что у него есть все способности, чтобы стать первостатейным магом. Однако он эмоционально нестабилен, склонен к вспышкам гнева и... э... не способен сдерживать агрессию. Знаете, у него в семье проблемы с психическим здоровьем; его отца вывели из касты Профessionалов после нескольких нервных срывов.

— Да ну? — бурчит Вайло. — И что с того? Я знаю малыша. Он два года на меня горбатился. Ну да, характер еще тот — а у кого нет? Он хитер как змей и жестче подметки. — Бизнесмен хищно улыбается, оскаливая зубы. — На меня в его годы похож.

— Вы же понимаете, Бизнесмен, что мы идем на этот шаг лишь для того, чтобы избавить вас от расходов на обучение Актера, который погибнет при первом же Трансфере.

— И? Это его проблема, а не ваша. Деньги... — Вайло сплевывает кусочек табачного листа на ковер, — не вопрос.

— Он попросту никогда не станет могущественным магом. Мне очень жаль, но Студия ставит определенные ограничения. Экзамены, проводимые Выпускным советом, сдать весьма непросто. — Чандра тянется к Вайло, как будто хочет взять Бизнесмена за руку и увести его прочь. — Может быть, я покажу вам нашу пилотную программу — школу жрецов? Этот вариант чародейства имеет то преимущество перед остальными, что его последова-

тели входят в транс только в строго контролируемых условиях — под видом религиозного ритуала...

— Брось херню пороть. — Вайло вновь принимается жевать сигару. — Я кучу денег в этого парня вбухал. Хренову кучу. Мне накласть на правила Студии и на все экзамены. Парень окончит ваш гадюшник с отличием и отправится в Надземный мир.

— Боюсь, это просто невозможно...

— Хочешь меня лгуном выставить? — Глазки Вайло словно бы втягиваются в глубину орбит — маленькие, опасные. Он чеканит следующее слово: — АДМИНИСТРАТОР.

— Прошу вас, Бизнесмен, поймите, он четырнадцать месяцев проходит курс обучения чародеев, еще через десять мы должны или... э... отправить его на экзамены, или выставить вон, а его... э... прогресс...

Вайло отворачивается к окну. Кровавый огонек на кончике сигары интересует его больше, чем нервные оправдания Чандры.

— Родители твои, что, в Чикаго живут, а? В таком славном деревянном домике на Фуллертон-авеню, к западу от Кларк-стрит?

Чандра застывает. По хребту его стекает ледяная струйка.

— Да, Бизнесмен...

— Ты же понимаешь — я всегда вкладываю деньги с умом. Дошло? Хари получит свой шанс.

— Бизнесмен, я... — срывается с языка у Чандры, но он колоссальным усилием воли берет себя в руки. — Есть и другие варианты...

— Слушаю.

— Спасибо, Бизнесмен. Возможно, я поторопился, утверждая, что Майклсон не сможет преуспеть. В конце концов, он сейчас в группе боевых магов — это самая сложная дисциплина, но в ней его... кхм... излишне агрессивная натура может прийтись к месту. Я бы предложил — с вашего разрешения — дать ему наставника.

— А что, учителей у него нет? Тогда за кой хер я вам деньги плачу?

— Учителя — да, штатные преподаватели. Но Майклсон плохо отзывается на прямые инструкции. Он... — Чандра решает не рассказывать, как Майклсон жестоко избил инструктора Пуллмана.

Я об этом слышал — как и вся Консерватория; об этой истории судачили целый год. Чандра полагает, что вопрос решен и, в конце концов, пострадавший заслужил свое. С точки зрения Администратора, приставать к парню с такими психосексуальными расстройствами, как у Майклсона, — почти преступная безответственность. Выражу заодно точку зрения студентов: Пуллман был мелкий, гнусный педик, и многие из нас мечтали о том, что Майклсон сделал.

— Я бы подразумевал скорее другого студента, который не имел бы над ним власти, который мог бы, ну... вы, может быть, знаете, Майклсон с подозрением относится к любой власти... короче, кого-то, с кем он мог бы сдружиться.

— А что, так у него друзей мало, что ли?

— Бизнесмен... — Чандре удастся выдавить нервный смешок. — У него вообще друзей нет.

Вот тут он и решает вызвать меня.

2

Надземный мир.

Когда «Уинстон Трансфер» впервые открыл ворота с Земли в Надземный мир, Студия уже стояла за его плечом, готовая шагнуть за порог. Надземный мир — край драконов и демонов, гиппогрифов и русалок, ведьмаков и воров, могучих магов и благородных рыцарей.

Легион воплощенных фантазий.

Я мечтал о нем. Я жаждал оказаться в Надземном мире, как фанатик тоскует по лону Господнему.

Когда мне было семь лет, отец повел меня на прямую передачу одного из ранних Приключений Раймонда Стори, и когда Стори грянул Слово Силы и Молот Дал'каннита ударил гнусного огра в лоб, расплескав мозги по неохватной ухмыляющейся роже, я ощутил эхо радости чародея и откат удачно исполненных чар и... ну понимаете, у меня просто слов нет.

На десятый день рождения отец купил мне кубик с записью легендарного трехдневного сражения Стори с безумной драконицей Ша-Риккинтайр. И в первый же из тысячи раз, что я просматривал это Приключение, я понял.

Я должен был сражаться так же. Я должен был отправиться туда.

И десять прошедших лет только укрепили мою решимость.

Все в моей жизни шло идеально. Я был лучшим в своем классе, у меня был самый высокий психологический рейтинг за всю историю Консерватории, эльфирующие операции прошли наилучшим образом, и мне оставался один шаг до вершины, когда Чандра вызвал меня к себе в кабинет, чтобы все отобрать.

Зайдя к нему и устроившись в предложенном кресле, я понятия не имел, какой разговор состоялся у него только что. Я ожидал, что меня в очередной раз похвалят за выдающиеся успехи, поэтому перспектива стать наставником какого-то антиобщественного, вспыльчивого работяги оказалась для меня изрядным потрясением.

Впрочем, я не подал виду: нас, касту Бизнесменов, с детства учат хладнокровно принимать дурные вести.

— Извините, Администратор, — пробормотал я, постучав по своему лицевому щитку. — У меня вряд ли хватит на это времени. До выпуска четыре месяца, а мне еще предстоит шесть операций.

Когда я назвал его Администратором, Чандра заметно дернулся; он ненавидит, когда ему напоминают, что мы всё же из разных каст. А я время от времени напоминал — чтобы Чандра не забывался.

Однако в тот раз он только головой покачал:

— Ты не понимаешь, Крис. Это не просьба. Парню нужен наставник. Лучший наставник, а ты — первый ученик в классе чародеев. Ты возьмешь его в руки и научишь всему, что ему нужно знать, чтобы сдать экзамены по боевой магии. Точка.

— Меня не интересует ваше предложение, Администратор. — (Когда же до этого олуха дойдет?) — Попросите кого другого.

Поднявшись, Чандра обошел массивный стол из розового дерева и, облокотившись на него, сцепил пальцы.

— Независимость Выпускного совета священна. Я не могу оказать давление на совет, чтобы выпустить из стен заведения неподготовленного студента... однако я могу просто не допустить студента до экзаменов, если на то будет моя воля. Без моей подписи совет на тебя и не глянет.

Он смотрел на меня так пристально, будто пытался разглядеть изнанку черепа, и в зрачках его я увидел нечто темное и пугающее, отчего под ложечкой у меня жутко засосало.

Где-то я уже видел похожее, но где — никак не приходило на память.

— Теперь ты понял? — спросил Чандра. — Если Майклсон не сдаст экзамена, не пройдешь и ты.

Вселенная накренилась подо мной, и я вцепился в подлокотники кресла, чтобы не свалиться с края Земли и не кувыркнуться в межзвездное пространство.

Не сдать экзамена? Не попасть в Надземный мир? То был даже не смертный приговор — то был уже занесенный топор палача. В глазах у меня потемнело.

Первое, что пришло в голову, — взорваться.

— Не посмеете! Если вы хоть подумаете о том, чтобы меня выгнать, мой отец...

— Только скажет спасибо, и ты это знаешь.

Я осекся. Это была правда.

— Но что будет со мной? Не стоит, Ад... То есть... Господи, я должен был в прошлом семестре сдавать выпускные и только ради эльфования задержался... Если вы меня выставите, я до конца дней своих буду ходить с этакой рожей! Одно дело, если я Актер, но...

Чандра помотал головой на тонкой шее. Дряхлый и слабый на вид, он был, однако, мстительным и опасным, точно выживший из ума старый король.

— Патрон этого Майклсона, — промолвил он, — Марк Вайло.

— Бандит? — изумился я.

Отец частенько раздражался бранью в адрес этого позора нашей касты.

— Он... э-э-э... заходил сегодня. Он... крайне заинтересован в том, чтобы Майклсон продолжил обучение. Крайне. Он... э-э-э... он... — Чандра отвернулся и покашлял, пытаясь скрыть дрожь в голосе. — Он спрашивал о моей семье.

— А-а.

Теперь я понял. Администратор решил справиться с проблемой, переложив ее на мои плечи. Глупость. Отец посмеялся бы, отпустив пару грубых замечаний в адрес всей касты Администраторов с ее родовым пристрастием к перестраховке и переводу стрелок.

А мне было не до смеха. Вспомнилось подслушанное: когда один из отцовских Рабочих помогал чуть живому сотоварищу

уползти от исправительной кабины, он сказал: «Пожалуй, лучше оставаться незамеченным».

Меня заметили. И ничего не значила та простая истина, что на кастовой лестнице Чандра стоял ниже меня. Этот слабосильный, безответственный бумагомарака держал в хилых ручонках мою судьбу, а мне оставалось только терпеть и улыбаться, как подбавляет Бизнесмену.

— Хорошо, Председатель, — проговорил я, стараясь казаться невозмутимым. — Покажите мне его досье.

3

Я припал к ребристой колонне, что поддерживала арку, отделявшую тренажерный зал от главного спортзала, и заглянул внутрь. Я потерял гибкую белую маску для лица, которая прикрывала результаты последней пластической операции; сквозь нейронные блоки просачивалось достаточно импульсов, чтобы у меня без конца зудели кости. Когда-нибудь в Надземном мире пластика позволит мне выдать себя за одного из Перворожденных, похожих на эльфов аборигенов северо-западного континента. Те были величайшими магами Надземного мира; мне, возможно, никогда с ними не сравниться — зато у меня есть пара особенных талантов.

Зал позади меня был заполнен студентами-бойцами в доспехах из сорбатана, колотившими друг друга мечами из утяжеленного ротанга. В переполненном тренажерном зале Майклсон выделялся. Студенты-маги обычно не заглядывали сюда до вечера, когда воители-неандертальцы отправлялись в классы или выходили на турнирную арену. Мой подопечный единственный в толпе недотягивал до центнера; даже женщины здесь перевешивали его на десять-одиннадцать кило. Хари лежал на спине, выжимая штангу; лицо его кривилось от натуги.

Когда я стал проталкиваться через зал, один из неандертальцев подтолкнул соседа: «Гля!» — и загородил мне дорогу, поигрывая гипертрофированными мускулами на груди. Я едва доставал ему до плеча.

— Че за дела, ведьмочка? Тебе не положено в такой час раком стоять?

Я ухмыльнулся под маской и обошел его тушу.

— Не, это только твои мечты. Будь я девчонкой, ты мог бы выбирать из трех дырок вместо двух у твоего кореша. — И побыстрее ушел, покуда озадаченный боевик пытался сообразить, как же его оскорбили.

Майклсон невидяще пялился в потолок. На лбу его выступили жилы. Штанга поднималась и опускалась. Признаюсь, он заинтересовал меня. Читая досье, я обнаружил, что его отцом был Дункан Майклсон — антрополог, тот самый Дункан Майклсон, чья монография о западном наречии служила в Консерватории учебником по этому языку.

Дункан Майклсон уже оказал на мою жизнь огромное влияние. Я с десятков раз перечитывал его «Предания Перворожденных» — записи сказаний аборигенов северо-запада. «Предания» и привлекли мое внимание к эльфам.

Но упомянуть об этом при Хари я, конечно, не мог. В том же досье я вычитал, что он никогда не говорит об отце.

Хари оказался на добрую ладонь выше меня ростом, но едва ли тяжелее. Черные глаза и смуглая кожа, смоляные волосы, мышцы как канаты. Он, крикнув, выжал штангу еще раз — губы скривились в гримасе, сминая клочковатую черную бородку.

Я глянул на указатель снаряда: восемьдесят кило — и невольно хмыкнул. Не захочешь, а впечатлишься: в досье значилось, что сам Хари весит шестьдесят пять. Потом посмотрел на счетчик. Майклсон медленно выпрямил руки, и в окошке показалось: «15».

Чандра упоминал, что Майклсон много времени проводит в зале, но, похоже, даже Председатель не знал, как много.

Мы с ним наспех разработали план, как завоевать доверие Майклсона. Судя по данным психоанализа, прямолинейность в данном случае не лучшая политика. Чистосердечное предложение помощи будет встречено в лучшем случае глухим отказом. План предусматривал постепенное налаживание отношений: сначала сдружиться, потом, может быть, дать пару советов насчет стратегии медитации во время грядущего семинара по виртуальному Приключению, потом как бы нечаянно предложить свою помощь в учебе... И не давить.

Но сейчас, глядя, как Хари Майклсон накачивает счетчик до вожделенной двадцатки, с каждым толчком все медленнее, с передышками в четыре-пять судорожных вздохов-всхлипов, я вошел в него.

На кратчайший, неуловимый миг я стал Хари Майклсоном. Неподъемная штанга наваливалась на меня, Рабочего девятнадцати лет от роду, до мозга костей пропитанного памятью о бесчисленных унижениях, что я претерпел от высших каст. Это я понимал, что малейший шанс на расплату недоступен мне от века, и это в моей груди польхал ядерный пожар бессильного гнева, питаемый жгучим предвкушением провала.

Это один из моих талантов — вхождение. Не телепатия, скорее — излишне развитое воображение с интуицией пополам, но помогает здорово. В тот самый миг я отказался от плана Чандры. У меня был другой, лучше.

Когда Хари дошел до предела — руки полусогнуты, жилы надулись, лицо синее, и глаза прикрыты от натуги, — я подошел к снаряду и, обеими руками ухватившись за штангу, поднял ее вместе с ним. Мне не пришлось напрягаться — хватило бы и одного пальца, чтобы вытянуть те один-два килограмма, что оказались для Майклсона лишними.

— Стоп! — рывкнул Хари, когда штанга дошла до верхней отметки.

Снаряд застыл.

— Знаешь, не стоит качаться без помощника, — улыбнулся я.

Майклсон неторопливо сел. Взгляд его жег меня, точно печной жар.

— Тебя, жопа, никто не спрашивал, — бесстрастно ответил он. — И помогать не просил.

— Если бы я ждал просьбы, — процедил я сквозь улыбку, — мне бы пришлось ждать до ближайшего ледникового периода.

— Очень смешно. — Он с прищуром уставился на мою маску. — А ты кто такой, Борис Карлофф?¹

— Какой Борис? Меня зовут Крис...

— Хансен. Знаю. Все в Кобелятнике тебя знают. Только о тебе и слышно. Чего надо?

Кобелятник — презрительная кличка, которую студенты-боевики дали Колледжу боевой тауматургии.

— Пару минут твоего времени. — Я пожал плечами. — Хотел попросить тебя о помощи.

¹ *Борис Карлофф* — голливудский актер немого кино. Прославился исполнением ролей в фильмах ужасов, в частности ролью чудовища Франкенштейна. (Здесь и далее примечания переводчика.)